

— Слушаюсь.

Когда это послание доставили в управу Сицзинь, прошло уже три дня. Цяо Цзю постепенно завоевал доверие Сяо Чжэня, а Лу Шэнь со своими людьми крепко обосновались в управе Сицзинь. Выслушав то, что передал через посыльного Ван Чжэнь, Су Вэньюнь мрачнел с каждым словом.

— Тан Цзинцзэ уезжает и больше не вернётся, а Ван Цзыфэн решил, что я должен подчищать хвосты за его младшим соучеником? — с холодной усмешкой проворчал он. — Не слишком ли сладко он раскатал губу?

Посыльный лишь дословно передал слова и не смел вымолвить ни слова в ответ.

Су Вэньюнь ещё с нескрываемой язвительностью бранил Ван Чжэня за несбыточные фантазии, а Тан Шэня — за невероятную глупость, после чего на мгновение умолк и задумчиво произнёс:

— Впрочем... это не совсем безнадёжно. Цыц, Ван Цзыфэн, просчитал ты всё тонко. Да только подумал ли ты о том, что если я подчищу всё за Тан Цзинцзэ, тот окажется у меня в долгу?

Не откладывая дело в долгий ящик, Су Вэньюнь сразу же позвал Цяо Цзю и велел ему через Сяо Чжэня устроить пир для Елюй Циня и Елюй Шэгэ.

Великая Сун, город Ючжоу.

Тан Шэнь прибыл в Ючжоу в третьем месяце. С тех пор прошло более трёх месяцев. Чжао Фу направил Юй Чаошэна принять у него дела, и после нескольких дней передачи поручений Тан Шэнь готовился к возвращению в Шэнцзин.

Завершив передачу дел, Юй Чаошэн с улыбкой произнёс:

— Поздравляю вас, господин Тан.

Тан Шэнь изобразил удивление:

— Благодарю вас, господин Юй. Однако я не совсем понимаю... что именно вы имеете в виду?

Юй Чаошэн погладил короткую бородку на подбородке и мягко улыбнулся:

— По возвращении в столицу господина Тана непременно ждёт прекрасная возможность. Я же не могу вернуться вместе с вами, потому и поздравляю заранее.

Тан Шэнь изобразил на лице искреннее изумление и радость.

Оставшись наедине с Ван Чжэнем, Тан Шэнь спросил:

— Старший соученик, неужели император отправил сюда Юй Чаошэна из-за меня?

Ван Чжэнь приподнял бровь:

— О?

Поощряя Тан Шэня продолжить, Ван Чжэнь молча ждал, и Тан Шэнь пояснил:

— В этой поездке в Государство Ляо я пусть и не справился идеально, но и промашек не допустил. А уж когда к делу подключился господин Су, почти всё было доведено до конца. Однако об этом знаем лишь мы несколько человек, Его Величество ни за что не сможет обнародовать эти заслуги. А значит, если Государь захочет наградить меня, ему будет весьма непросто. Ты как-то говорил, старший соученик, что при обычном раскладе в ближайшие пять лет мне не дослужиться до второго ранга — в лучшем случае до третьего. Теперь же я полагаю, что Его Величество намерен повысить меня в должности.

Ван Чжэнь изящно и мягко усмехнулся:

— Подняться на четыре ранга за четыре года! Его Величество поистине обладатель пронизательного взора, раз разглядел в тебе драгоценный самоцвет, да и младший соученик мой — истинная опора государства!

— Я говорю совершенно серьёзно, — вздохнул Тан Шэнь.

Ван Чжэнь на мгновение замер — похоже, не ожидал от Тан Шэня такой прямоты. Однако, придя в себя, тихо проговорил:

— Ты стал ещё больше полагаться на меня.

Слова прозвучали настолько тихо, что услышать их мог только сам Ван Чжэнь. Тан Шэнь спросил:

— Что ты сказал, старший соученик?

— Сказал, что ты угадал верно, — ответил Ван Чжэнь.

Тан Шэнь и прежде догадывался о предстоящем повышении после возвращения в столицу, но теперь, получив подтверждение от Ван Чжэня, вместе с радостью ощутил и печаль. С чувством вины он произнёс:

— Однако ради моего продвижения император намеренно прислал Юй Чаошэна — чтобы урезать твоё влияние, старший соученик.

Если Тан Шэнь продвинется по службе, власть фракции, к которой принадлежат он и Ван Чжэнь, неизбежно взлетит ещё выше. Чтобы сохранить баланс при дворе, Чжао Фу и отправил сюда Юй Чаошэна. Юй Чаошэн оказался вовлечён в дела Приказа серебряных ассигнаций, и по возвращении Чжао Фу, разумеется, наградит его точно так же, как и Тан Шэня. К тому же Тан Шэнь прибыл в Ючжоу вовсе не ради дел Приказа серебряных ассигнаций, тогда как Юй Чаошэн — именно ради них.

Не исключено, что через пару месяцев Юй Чаошэну станут известны внутренние секреты Приказа серебряных ассигнаций. А через него кое-что проведает и его наставник Сюй Би.

В двадцать лет дослужиться до чиновника третьего ранга — подобный взлёт вызовет немалые волнения среди придворных фракций, и игнорировать это невозможно.

Тан Шэнь чувствовал вину за то, что его дела втянули Ван Чжэня и позволили Юй Чаошэну ограничить его влияние.

Однако Ван Чжэнь лишь заметил:

— Даже если бы не ты, Император всё равно отправил бы кого-то другого. Это было неизбежно: Приказ серебряных ассигнаций никогда не принадлежал мне единолично.

— Но до приезда Юй Чаошэна всё было иначе, — возразил Тан Шэнь. — Приказ серебряных ассигнаций полностью находился в твоих руках.

Губы Ван Чжэня вздрогнули. Он долго пронизывал Тан Шэня пристальным, глубоким взглядом, сохраняя молчание. Под этим взором у Тан Шэня побежали мурашки по коже. Выждав немного, он тихо позвал:

— Старший соученик?

Голос Ван Чжэня неожиданно прозвучал строго:

— Я вдруг подумал: кем же я на самом деле являюсь в глазах моего младшего соученика?

— А? — опешил Тан Шэнь.

Не дождавшись ответа, он начал напряжённо размышлять, подбирая нужные слова:

— На мой взгляд, старший соученик мудр и проницателен, гибок, но не циничен, осмотрителен и осторожен, но не зашорен правилами. Какая бы трудность ни возникла, пока рядом ты, у меня всегда спокойно на душе. Старший соученик старше меня на девять лет, но я знаю: пройдёт девять лет, и я всё равно буду далёк от твоих высот.

— И как по-твоему, почему я совершаю те или иные поступки? Зачем берусь за дела? — спросил Ван Чжэнь.

Тан Шэнь окончательно растерялся. Он совершенно не понимал, к чему клонит Ван Чжэнь.

Ван Чжэнь нахмурился с лёгким разочарованием и, глубоко взглянув на Тан Шэня, произнёс:

— Мы с тобой — родственные души. Все двадцать девять лет своей жизни я считал младшего соученика тем единственным человеком, кто понимает меня и мои помыслы лучше всех. Двадцать девять лет я в одиночестве ждал того, кто сможет постичь мою душу. Но ты, оказывается, ни разу не задумался, почему три года назад я отправился в Цычжоу и зачем в прошлом году взял на себя дела Приказа серебряных ассигнаций. Как не задумался и о том, что именно я имел в виду в тот день на Башне Сюйцзи, когда говорил тебе: «Соученики — друзья по обучению, соратники — друзья по духу».

Сердце Тан Шэня затрепетало. Ван Чжэнь высказал лёгкое разочарование, но в его тоне проскальзывали глубокая боль и одиночество.

Сказав это, Ван Чжэнь повернулся, чтобы уйти.

Потрясённый до глубины души, Тан Шэнь схватил его за рукав и громко выкрикнул:

— Зачем старший соученик стал чиновником?

Ван Чжэнь остановился. Он обернулся и уставился на Тан Шэня — в глубине его глаз мелькнули надежда и ожидание.

Тан Шэнь глубоко вдохнул и пристально посмотрел на него, выговаривая каждое слово:

— Я знаю. Я всегда это знал. Ты служишь при дворе вовсе не ради славы, богатства или безграничной власти. Ты не чинуша-бессребреник и никогда не цепляешься слепо за условности и правила. Но ты — настоящий чиновник. Именно поэтому в тот день, когда ко мне попал доклад о появлении бумажных денег в землях Шу, первым, о ком я подумал, был ты, старший соученик. Ибо я знал: лишь ты не испугаешься преград и трудностей на беспросветном, долгом пути и сумеешь вырвать лучик света из тьмы в самом его конце.

Ван Чжэнь ошеломлённо застыл на месте.

Тан Шэнь крепче сжал его рукав. Спустя долгое время Ван Чжэнь протянул руку и взял Тан Шэня за кисть. Он крепко сжал его руку, мягко отведя её от своего рукава. Однако, разжав пальцы соученика, он не отпустил его ладонь, а продолжал удерживать в своей.

Они молча смотрели друг на друга, и в груди Тан Шэня, казалось, готовилась прорваться отгадка. Ему чудилось, будто он что-то осознал — и в то же время не понял ровным счётом ничего.

В этот момент Ван Чжэнь тихо усмехнулся:

— Значит, я не чинуша-бессребреник?

Тан Шэнь обомлел.

Ван Чжэнь, удерживая одну его руку, другой слегка приподнял кисть и нежно щёлкнул соученика по лбу. В этом жесте чувствовалась безграничная нежность, без малейшего намёка на упрёк.

— Так хвалит меня младший соученик или ругает? — спросил Ван Чжэнь.

Тан Шэнь подсознательно коснулся лба в том месте, где осталась метка от прикосновения, и вдруг опомнился:

— Старший соученик, ты опять меня разыгрываешь!

Юй Чаошэн прибыл в Ючжоу, чтобы сменить Тан Шэня на его посту. Ван Чжэнь же приехал, чтобы проконтролировать передачу дел между ними. Теперь, когда с поручением было покончено, Ван Чжэнь и Тан Шэнь отправлялись обратно в Шэнцзин. Из-за того что Тан Шэнь был ранен, они задержались в Ючжоу ещё на несколько дней. Лишь когда ему стало лучше, они пустились в путь.

Поскольку Тан Шэнь едва оправился от травмы, экипаж двигался не спеша, сберегая его силы. Они регулярно делали остановки, по пути любясь пейзажами, и так добрались до Шэнцзина лишь спустя десять дней. Ван Чжэнь сперва отвез Тан Шэня в Поместье Таньхуа. Сойдя с повозки, Тан Шэнь остановился перед экипажем и с беспомощной улыбкой обратился к Ван Чжэню:

— Старший соученик, а не злоупотребляешь ли ты служебным положением в личных целях?

Ван Чжэнь с наигранным удивлением спросил:

— О чём это говорит мой младший соученик?

— Дорога, которая обычно занимает пять-шесть дней, растянулась у нас вдвое, — пояснил Тан Шэнь. — Это же самое настоящее путешествие за государственный счёт!

Ван Чжэнь на мгновение задумался:

— Путешествие за государственный счёт? Любопытное выражение. — Он едва заметно улыбнулся. — На Северо-Западе небеса скрыты за песчаной бурей. А ближе к Шэнцзину мы ехали большей частью по просёлочным тропам, да и казенный тракт редко проходил через городки. Не думал, что младшему соученику по душе путешествовать по столь безлюдным местам. Весьма поэтичный вкус.

— А?

— В следующий раз я обязательно исполню твоё желание.

Тан Шэнь: «...?!» Да о чём это ты вообще?!

На этом они и попрощались.

<http://bllate.org/book/18292/1757404>